

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Антипов Алексей Владимирович

**СУИЦИД В ОЦЕНКАХ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

09.00.05 —Этика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре этики философского факультета философского факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель: **Скворцов Алексей Алексеевич**
кандидат философских наук, доцент

Официальные оппоненты: **Сафьянов Владимир Иннокентьевич,**
доктор философских наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет» (профессор кафедры гуманитарных дисциплин факультета базовых компетенций)

Родзинский Дмитрий Леонидович,
доктор философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» (доцент кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета)

Саввина Ольга Владимировна,
кандидат философских наук,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (РУДН) (доцент кафедры этики факультета гуманитарных и социальных наук)

Защита состоится «17» мая 2021 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета МГУ.09.02 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета философского факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

Диссертация находится на хранении в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27). Со сведениями о регистрации участия в защите в удаленном интерактивном режиме и с диссертацией в электронном виде также можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/359306628/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Проблема самоубийства остается волнующей, многосторонней и сложной в истории философии и культуры. В «Мифе о Сизифе» А. Камю указывает, что «есть лишь один поистине серьезный философский вопрос — вопрос о самоубийстве. Решить, стоит ли жизнь труда быть прожитой или она того не стоит, — это значит ответить на основополагающий вопрос философии»¹. Актуальность указанной проблемы может быть объяснена не только тем, что многие философы обращали на нее внимание, но и потому, что в современном мире вопросы о самости человека и границах допустимого вмешательства в его жизнь, о его свободе и ответственности звучат может быть сильнее, чем когда-либо.

Изменения в мире и обществе, трансформации в технологиях, позволяющие пересматривать границы между жизнью и смертью, выработка новых способов взаимодействия с миром, — все это приводит, с одной стороны, к пугающему уровню могущества человека по отношению к природе, а с другой — как указывает П. Сорокин, «чем культурнее и цивилизованнее народ — тем в среднем больше самоубийств происходит в его среде»². Всемирная организация здравоохранения констатирует более 800 000 случаев самоубийств в год³, по всему миру создаются центры кризисной помощи и терапии, открываются горячие линии экстренной помощи, в конце концов, угроза совершения суицида («непосредственная опасность для себя») может служить причиной для недобровольной

¹ Камю А. Миф о Сизифе / Бунтующий человек: [сборник; пер. с фр.] / Альбер Камю. Москва: АСТ, 2014. С. 57.

² Сорокин П. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 111.

³ ВОЗ: самоубийства. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.who.int/topics/suicide/ru/> (Дата обращения: 18.08.2020)

госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь⁴.

Однако появление мер, направленных на уменьшение количества самоубийств, на изучение этого феномена с точки зрения медицины и биологии, а также на реабилитацию тех, кто не завершил до конца свой замысел, не приводит к полному пониманию самоубийства ни как события самостоятельного окончания отдельной уникальной человеческой жизни, ни как общественного феномена, определенным образом распределенного статистически по регионам мира. Суицидология создавалась и остается междисциплинарной сферой, в которой сочетается знание, полученное из различных источников: медицины, психиатрии, биологии, психологии, социологии, философии и т.д.

Философия и этика, осмысляя феномен смерти и его приложение к экзистенциальным трагедиям конечности человеческого существования, были склонны рассматривать самоубийство как «вольную смерть», т.е. окончание жизни по решению самого человека. Феномен самоубийства напрямую выводит мысль на вопросы, связанные с проблемой соотношения свободы и детерминации поведения. Определение границ своего существования, вопросы о свободе воли и обязанностях перед собой и другими — лишь небольшой круг тем, связанных с суицидом, дискуссии вокруг которых продолжают продолжаться на протяжении всей истории культуры. Конечных ответов на них дать нельзя, но возможно выявить отношение общества к этому явлению в различные исторические эпохи, определить границы допустимого вмешательства в судьбу суицидента, а также понять ценностные основы, определяющие мировоззренческие позиции сторонников и противников вольной смерти.

⁴ Закон РФ "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" от 02.07.1992 N 3185-1 (в ред. Федерального закона от 22.08.2004 N 122-ФЗ) [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (Дата обращения: 18.08.2020)

Работа сосредоточена вокруг осмысления и оценок самоубийства в категориях морального сознания, которые могут быть определены как те, которые «служат для выражения различных сторон нравственного отношения человека к действительности, производства общих оценок самой реальности и поступков отдельных людей с точки зрения их желательности или, наоборот, нежелательности для нормального существования общества и для счастья самого человека»⁵.

Степень разработанности темы

Проблема самоубийства в философии и этике является одной из неисчерпаемых и постоянно заявляющих о себе. Попытки понять это явление начинаются еще до появления философии; в сборнике первоисточников под редакцией М. Баттин⁶ подробно изложена предыстория осмысления самоубийства в древних культурах. В качестве наиболее раннего текста, в котором поднимается проблема самоубийства, приводится «Беседа разочарованного со своим духом»⁷, древнеегипетский поэтический диалог, датируемый 20-18 вв. до н.э. В России подобного рода сборники, однако, с гораздо меньшим охватом персоналий и времен, издаются под редакцией А.Н. Моховикова: «Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах»⁸ (в данном сборнике три раздела, обозначающие разные способы анализа суицида в современном мире: историко-философский, психологический, литературно-художественный) и «Антология суицидологии: Основные статьи зарубежных ученых. 1912-1993»⁹ (этот сборник сосредоточен вокруг психологических аспектов совершения самоубийства и близок научной суицидологии).

⁵ Разин А. В. *Этика: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб.* М.: Академический Проект, 2006. С. 427.

⁶ Battin M. *The Ethics of suicide. Historical sources.* Oxford University Press. 2015

⁷ Указанный текст также представлен в сборнике Моховиков А. Н. *Суицидология: Прошлое и настоящее [...]* М.: Когито-центр, 2013.

⁸ Моховиков А. Н. *Суицидология: Прошлое и настоящее [...]* М.: Когито-центр, 2013.

⁹ Антология суицидологии: Основные статьи зарубежных ученых. 1912-1993. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2018.

Другими важными источниками по данной тематике выступают: «Международный справочник по суициду и суицидальным попыткам»¹⁰; «Оксфордский справочник по суициду и членовредительству»¹¹; «Самоубийство и эвтаназия: история и современность»¹²; «Энциклопедия суицида»¹³; «Новые направления в этике ассистированного самоубийства и эвтаназии»¹⁴. Однако большинство работ, содержащихся в указанных сборниках, рассматривает самоубийство только в качестве медицинской проблемы.

В рамках данного исследования в Первой главе рассматриваются фигуры, которые являются ключевыми для понимания этического измерения проблемы самоубийства. Таковыми являются: Эмпедокл, Платон, Аристотель, Эпикур, Сенека; Аврелий Августин, Фома Аквинский, М. Монтень, Дж. Донн, Р. Бертон, Т. Гоббс, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Л. Фейербах, Ж.-Э. Эскироль, Э. Морселли, Э. Дюркгейм, А. Камю и др.¹⁵. Все указанные авторы и их труды составляют

¹⁰ The International Handbook of Suicide and Attempted Suicide / Edited by Keith Hawton Department of Psychiatry, Oxford University, UK and Kees van Heeringen Department of Psychiatry, University of Gent. 2000.

¹¹ The Oxford Handbook of Suicide and Self-Injury / Edited by Matthew K. Nock, Oxford University Press. 2014.

¹² Suicide and euthanasia: historical and contemporary themes / Edited by Baruch A. Brody. 1989.

¹³ Evans G., Farberow N. The encyclopedia of suicide. Facts On File. 2003.

¹⁴ Cholbi M., Varelius J. New Directions in the Ethics of Assisted Suicide and Euthanasia. Springer International Publishing. Switzerland. 2015.

¹⁵ Платон. Федон / Собрание сочинений в 4 т. Т. 2/Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. С. 7-80. Платон. Законы. Книга девятая / Собрание сочинений в 4 т. Т. 4/Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. С. 306-340. Аристотель. Никомахова этика. / Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 54-293. Сенека Нравственные письма к Луцилию. М.: Издательство «Наука», 1977. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47-122 / Фома Аквинский. К.: Ника-Центр, 2013. Вопрос 64. С. 205-221. Монтень М. Опыты. Книга Первая. Издательство АН СССР. М.-Л., 1954. Бертон Р. Анатомия Меланхолии / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. А.Г. Ингера. М.: Прогресс-Традиция, 2005. Юм Д. О самоубийстве / Суицидология: Прошлое и настоящее [...] М.: Когито-центр, 2013. С. 47-57. Дидро Д. Принципы нравственной философии, или Опыт о достоинстве и добродетели, написанный милордом Ш*** / Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 58-163. Руссо Ж.-Ж. О самопроизвольной смерти // Академические известия. Ч. 4, СПб.: 1780. С. 244-266. Кант И. Лекции по этике: Пер. с нем. / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 2000. Кант И. Основы метафизики нравственности / СОЧИНЕНИЯ В ШЕСТИ ТОМАХ [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т. И. Ойзермана], М., «Мысль», 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 220-310. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. Шопенгауэр А. Paralipomena / Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Parerga и Paralipomena: В 2 т. Т. 2: Paralipomena / Пер. с нем.; Общ. ред. и сост. А. Чанышева. М.: ТЕРРА. Книжный клуб; Республика, 2001. С. 4-504. Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли / Сочинения: В 2 т. Пер. с нем. / Ин-т философии. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 323-426. Фейербах Л. Эвдемонизм / Сочинения: В 2 т. Пер. с нем. / Ин-т философии. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 427-475. Esquirol E. Mental Maladies. Treatise on Insanity. Philadelphia: Lea and Blanchard.

основание для выстраивания представлений о способе анализа проблемы самоубийства в философии и этике.

В современном мире исследование самоубийства с точки зрения философии и этики отходит на второй план, а ключевые исследования сосредоточены в медицинской и междисциплинарной области. Несмотря на это появляются такие работы, как М. Чолби, Д. Бенатар, С. Доуи¹⁶, в которых самоубийство рассматривается в русле аналитической традиции, а ключевой темой представленных работ является поиск дефиниции самого понятия «самоубийство». Также может быть выделена работа Дж. Хехт¹⁷, в которой приводится анализ проблемы самоубийства с Античности до современности. В России проблеме самоубийства в философии посвящены работы Л. Трегубова и Ю. Вагина, И. Паперно, Ю. Давыдова, И. Красненковой, Е. Банщиковой, И. Полотовской¹⁸, однако они лишь частично являются философскими. В рамках философской суицидологии ключевой фигурой является С. Аванесов¹⁹, указывающий на возможность и необходимость привлечения философии для исследования суицида именно потому, что только она способна «претендовать на экспликацию самой сути этой

1845. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. Камю А. Бунтующий человек: [сборник; пер. с фр.] / Альбер Камю. Москва: АСТ, 2014.

¹⁶ Cholbi M. Kant and the Irrationality of Suicide // *History of Philosophy Quarterly*. Vol. 17. 2000. P. 159-176. Cholbi M. Suicide: The Philosophical Dimensions. Broadview guides to philosophy, 2011. Dowie S. E. The ethics of suicide. PhD thesis, University of Glasgow. 2019. Dowie S.E. What is suicide? Classifying self-killings // *Med Health Care and Philos.* 2020. <https://doi.org/10.1007/s11019-020-09964-1> Benatar D. Better never to have been. The Harm of Coming into Existence. Clarendon Press. Oxford. 2008. Benatar D. Suicide: A Qualified Defense / *The Metaphysics and Ethics of Death*. Oxford University Press. 2013. P. 222-245.

¹⁷ Hecht J. A History of Suicide and the Philosophies Against It. Yale University Press. 2013.

¹⁸ Банщикова Е. Философские и методологические основы психопатологического анализа самоубийства. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.rusmedserv.com/psychsex/su.shtml> (Дата обращения: 18.08.2020). Давыдов Ю. Этика любви и метафизика своеволия / М.: Молодая гвардия. 1989. Красненкова И. Философский анализ суицида / *Идея смерти в российском менталитете*. Изд-во Русского гуманитарного христианского института, СПб, 1999. С. 151-174. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение. 1990. Полотовская И. Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир (Историко-культурологическое развитие проблематики с древнейших времен до наших дней). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. Трегубов Л., Вагин Ю. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993.

¹⁹ Аванесов С. С. Вольная смерть. Часть 1. Основания философской суицидологии. Томск: Томский государственный университет, 2003.

многомерной проблемы»²⁰. Также по теме самоубийства были защищены диссертации Гаджинской З.Г., Спиженковой М.А., Дуткина М.П.²¹

В междисциплинарном ключе могут быть выделены работы Д. Будро, М. Соммервил; Х. Виттвер; Т. Макконнелл; Т. Сас²². Указанные исследования сосредотачиваются на том, что отдельная дисциплина не может говорить полноценно о суициде, а потому клиническое рассмотрение самоубийства дополняется этическим и общефилософским рассмотрением.

Таким образом, несмотря на длительную традицию анализа самоубийства в философии, современная философия и этика не часто выбирают проблему самоубийства в качестве предмета своего рассмотрения.

Цель исследования

Цель работы состоит в выявлении и комплексном анализе этических интерпретаций суицида в исторической перспективе и в современном философском понимании.

Задачи исследования

Достижение цели предполагает выполнение следующих задач:

- 1) Реконструировать взгляды на самоубийство в этике Античности, Средних веков, Нового и Новейшего времени.

²⁰ Там же. С. 8

²¹Гаджинская З.Г. Смысл человеческой жизни и проблема суицида: Опыт филос.-психол. исслед.: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11, Москва, 1993. Спиженкова М.А. Самоубийство в системе социальных отношений: диссертация ... кандидата философских наук, 09.00.11, [Место защиты: Моск. гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана]. Москва, 2002. Дуткин М.П. Гносеологические основания изучения суицида: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01, [Место защиты: Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова]. Якутск, 2006.

²²Boudreau J., Somerville M. Euthanasia and assisted suicide: a physician's and ethicist's perspectives // *Medicolegal and Bioethics*. 4. 2014. P. 1-12. McConnell, T.A. Suicide ethics in cross-disciplinary perspective // *J Relig Health*. 7. 1968. <https://doi.org/10.1007/BF01532175> Szasz T. Fatal Freedom: The Ethics and Politics of Suicide. Syracuse, New York: Syracuse University Press Edition, 2002. Szasz T. Self-Ownership or Suicide Prevention? // *The Freeman*, March 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://fee.org/articles/self-ownership-or-suicide-prevention/> (Дата обращения: 18.08.2020) Szasz T. Suicide prohibition: the shame of medicine. Syracuse, New York: Syracuse University Press Edition, 2011. Wittwer H. The problem of the possible rationality of suicide and the ethics of physician-assisted suicide // *International Journal of Law and Psychiatry*. Vol. 36 (5–6), 2013. P. 419-426.

- 2) Рассмотреть трансформацию этических проблем, связанных с самоубийством, при становлении научной суицидологии.
- 3) Проанализировать религиозные и нерелигиозные аргументы в пользу моральной недопустимости самоубийства.
- 4) Выделить ключевые аргументы в пользу моральной допустимости самоубийства.
- 5) Определить изменения в этическом восприятии самоубийства, возникающие в связи с появлением биоэтики.

Объект исследования

Объектом исследования выступает феномен суицида.

Предмет исследования

Предметом исследования являются способы осмысления самоубийства в классической и современной западной этике и связанные с ними оценки, выносимые моральным сознанием.

Научная новизна исследования заключается в следующих положениях:

1. установлено, что обсуждение проблемы моральной допустимости самоубийства выводит на различные системы этической аргументации «за» и «против», в рамках которых выражаются различающиеся ценностные основания, но ни одну из систем этической аргументации моральной допустимости или недопустимости суицида нельзя признать полностью убедительной с нормативной и аксиологической точек зрения;

2. определено, что самоубийство в историко-философском и социокультурном контексте представлено как тенденция превращения самого явления из акта индивидуального выбора, связанного с интерпретациями таких понятий как «свобода» и «ответственность», в социальный акт, предполагающий участие посредников (например, врачей и этического комитета), а указанная трансформация смещает акцент с индивидуального принятия решения в сторону коллективной практики,

которая предполагает контроль и регламентацию социума, тем самым размывая или даже снимая личную ответственность за совершаемый выбор;

3. показано, что истоки конструирования социального контекста самоубийства проявляются со времени появления практик медикализации суицида в рамках становления научной суицидологии, но особое развитие медикализация получает в психиатрии, которая приобретает уникальный статус, обусловленный сочетанием теоретических объяснительных моделей с практическим воздействием, выражаемым в непосредственной работе с суицидентами;

4. продемонстрировано, что сугубо естественнонаучные и медицинские взгляды на самоубийство, предполагающие возможность его объяснения через принципы работы организма, не могут быть полными без экспликаций философии и этики, для которых главенствующими остается личность человека, выбор между жизнью и смертью и возможность вмешательства в осуществление этого выбора;

5. доказано, что современные практики искусственного прекращения жизни в виде эвтаназии и ассистированного врачом самоубийства, формирующиеся исходя из выделения достаточных оснований в виде неизлечимых заболеваний, которым сопутствует радикальное ухудшение качества жизни, являются социальными формами суицида.

Теоретическое и практическое значение диссертации

Теоретическое значение диссертации заключается в анализе проблемы самоубийства сквозь призму этики и философии, что позволяет раскрыть восприятие и отношение общества к суициденту в особом концептуальном поле, включающем в себя вопросы свободы воли, ответственности, морального выбора.

Практическое значение диссертации состоит в возможности создания учебного курса на основе диссертационного исследования, который может

служить введением в проблематику суицида в философии и этике, а также в формировании оснований для трансформации практики взаимодействия с суицидентами.

Методологическая основа исследования

Данное исследование опирается на анализ представлений о самоубийстве, сформулированных в рамках философских и этических исследований. Как было отмечено ранее, проблема самоубийства в философии является чрезвычайно сложной и многогранной, поэтому наряду с философской методологией используются способы рассмотрения и интерпретации данных, свойственные современным междисциплинарным исследованиям.

Методологическим основанием исследования выступают компаративистский анализ, историко-философский анализ и критический анализ источников. В ряде случаев имеет место использование контент-анализа и герменевтического метода, а также методологии биоэтических исследований.

Положения, выносимые на защиту

1. Некоторые способы осмысления самоубийства в Античности могут быть рассмотрены в качестве способа достижения морального совершенства. Подобная инструменталистская трактовка обозначает примеры Эмпедокла и представителей стоической традиции как перфекционистские проекты суицида, в рамках которых достижение морального совершенства связано с несуществованием, избираемым свободно на основании окончательного познания мироустройства.

2. Становление научной суицидологии в XIX веке повлекло за собой появление медикализированного взгляда на самоубийство. Объяснение с естественнонаучных позиций поведения человека, служащее продолжением механицистских представлений, позволило зарождавшейся психиатрии

находить причины самоубийств в неисправностях человеческого тела, а также выделять факторы социального и внесоциального характера, влияние которых воздействует на уровень распространения самоубийств. Такое понимание предполагало исключение философии и этики из круга дисциплин, изучающих проблему суицида. Однако медицинализация приводит не к указанному исключению, а к трансформации проблематики: формулируются новые способы этического осмысления суицида в рамках складывающихся практик взаимодействия с суицидентами.

3. Философское и этическое осмысление суицида в XX веке проходило в виде обсуждения аргументов за и против добровольного расставания с жизнью. Но сторонники и противники различных способов аргументации зачастую не могут прийти к соглашению и в силу различных ценностных позиций, и в силу непроясненности того, что именно понимается под суицидом. Формирование различных трактовок понятия «самоубийство» приводит к тому, что традиционные способы проблематизации, зачастую сосредоточенные вокруг разграничения «самоубийства» и «самопожертвования», расширяются вследствие появления новых теоретических моделей, связанных с косвенными формами суицида и выявлением связей между самоубийством и убийством.

4. Восприятие самоубийства и суицидентов в обществе существенно меняется в рамках биоэтического дискурса. Эвтаназия и ассистированное врачом самоубийство расширяют традиционный формат рассмотрения суицида как индивидуального события. Способ рассуждений об их моральной допустимости фундируется концептуальными представлениями о допустимости и запрете самого суицида, но при этом используются новые аргументы, исходящие из включения суицида в институциональные практики. Новые аргументы вытекают из биоэтических принципов и приобретают свою значимость в контексте уважения личности и

представлений об автономии, которые в отдельных случаях могут быть реализованы в виде прижизненных завещаний.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Степень достоверности результатов исследования определяется опорой на широкий круг источников, включающей как важнейшие работы философов прошлого, так и разнообразную современную литературу по теме диссертации, а также методологией исследования, предполагающий всесторонний анализ источников и предмета исследования. В совокупности это позволяет получить в диссертации обоснованные выводы.

Диссертация прошла обсуждение на кафедре этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и получила положительное заключение.

Результаты исследования прошли апробацию на следующих конференциях:

- Первые Степинские чтения (Москва ИФРАН, Россия, 5 ноября 2019), доклад: «Соглашение Улисса как способ уважения автономии суицидентов»;

- IX Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2017. Этика революций» (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 26-28 октября 2017), доклад: «Право на невмешательство: проблема самоубийства в контексте проекта антипсихиатрии Т. Саса»;

- VIII Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2016» (Санкт-Петербургский государственный университет (кафедра этики, Институт философии), Россия, 17-19 ноября 2016), доклад: «Взгляд психиатрии на самоубийство в 19 веке: этический анализ»;

- XXIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2016» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 11-15 апреля 2016), доклад: «Восприятие феномена самоубийства в психиатрии 19-го века».

Структура диссертации

Работа «Суицид в оценках морального сознания: история и современность» изложена на 155 страницах машинописного текста, состоит из Введения; трех Глав: Глава 1 содержит 4 параграфа, Главы 2 и 3 разделены на 2 параграфа; Заключение и Библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** доказывається актуальность темы исследования и анализируется степень ее разработанности, формулируются новизна исследования и положения, выносимые на защиту, а также указываются сведения об апробации и структуре работы.

В **Главе 1 «Исторические образы самоубийства»** анализируются этические представления о самоубийстве в Античности, Средних веках, Новом времени и Просвещении, а также прослеживается становление научной суицидологии и возникающие в этом контексте вопросы морали. В начале Главы 1 обсуждается определение понятия самоубийства. В качестве рабочего определения выбирается понимание суицида, удовлетворяющее двум условиям: 1) поведение, и его некоторые последствия, с высокой вероятностью способствуют достижению смерти; 2) осуществляя такое поведение, человек намеревается умереть²³. Ключевым элементом в структуре данного определения признается намерение, позволяющее включить «самоубийство» в поле рассмотрения этики и философии.

В **параграфе 1.1 Главы 1 «Представления о суициде в Античности»** реконструируются взгляды философов, рассматривающих суицид с философско-этических позиций. Логика изложения выстраивается на основании отношения к суициду, а не в исторической последовательности появления взглядов. Сначала рассматриваются позиции Платона, Аристотеля и Эпикура, в которых обосновывается запрет на совершение самоубийства со стороны государства, общества и морали, но при этом формулируются условия и критерии, позволяющие найти исключения из общего правила. Такие исключения позволяют в некоторых случаях оправдать самоубийство. Затем анализируются взгляды Эмпедокла и представителей стоической традиции, в которых радикальное самоопределение выступает как допустимое поведение. Указанные взгляды трактуются в качестве

²³ Cholbi M. Suicide: The Philosophical Dimensions. Broadview guides to philosophy, 2011. P. 21.

перфекционистских проектов суицида, постулирующих самоубийство в качестве инструмента для достижения морального совершенства. В рамках данного параграфа актуализируются мотивы смерти вовремя и распоряжения своим телом, что важно и для современного дискурса о самоубийстве. Таким образом, рассмотрение суицида в Античности представляется отстаиванием противоположных позиций относительно моральной оправданности или неоправданности самого решения. Античные философы неявно фиксируют очень важный для будущей суицидологии тезис: суицид практически невозможно трактовать однозначно, и даже постулируемый запрет нуждается в исключениях и прояснениях.

В параграфе 1.2 Главы 1 «Средние века: религиозный запрет» рассматривается ситуация главенствующего положения религии в Средние века, которая предопределяет переход к полному запрету и, как следствие, к порицанию совершившего самоубийство или покушавшегося на свою жизнь. Запрет устанавливается не только в религиозном, но и в юридическом поле. Если в религиозном плане по отношению к самоубийце запрещается проведение традиционных обрядов, сопутствующих погребению (отпевание, посмертные молитвы), то в правовом — статус самоубийцы означает аннулирование завещания, при его наличии, и конфискацию имущества.

Делается вывод, что влияние религии и обосновываемого ею запрета может рассматриваться как продолжение античной линии Платона и Аристотеля, анализирующих суицид с позиций обоснования запрета на его совершение. Однако, религиозный запрет на самоубийство в христианскую эпоху является более категоричным. Суицид отныне признается не только непоправимой ошибкой, совершенной из слабости или недостатка разумности, но и считается преступлением перед Богом и обществом. Самоубийца подлежит наказанию даже после смерти, и посредством этого наказания осуществляется профилактика последующих случаев.

В параграфе 1.3 Главы 1 «Новое время и Просвещение: критика запрета» показываются изменения однозначного запрета по отношению к суициду. Характеризуются эти изменения проявлением двух важных особенностей: во-первых, суицид перестает пониматься как исключительно запретное действие, что может быть рассмотрено как продолжение одной из античных линий; во-вторых, изменяется сам способ аргументации, потому что теперь о суициде говорится не только в терминах греха и виновности перед Богом, но также с точки зрения гуманизма и внимания к самому человеку, который оказывается уже не только творением, но и творцом, и в том числе, самого себя. В данном параграфе рассмотрены представления о суициде М. Монтеня, Дж. Донна и Р. Бертона, Д. Юма, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Л. Фейербаха, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра.

В параграфе формулируются способы критики религиозного запрета. Отмечается, что вопрос о самоубийстве должен рассматриваться как вопрос о принятии личного решения, и потому решение о нем необходимо оставить на совести самого самоубийцы (М. Монтень), запрет не эффективен в предотвращении самоубийств (Дж. Донн), а отношения к самоубийствам, совершенным при помешательстве, должно быть смягчено (Р. Бертон). Особое внимание уделяется рассуждениям Д. Юма, который отвергает положения Фомы Аквинского, утверждая, что самоубийство не противоречит ни божественному провидению, потому что оно совершается исходя из закона, установленного Богом, ни общественным установкам, потому что в определенных ситуациях приносит больше пользы, чем вреда, ни долгу по отношению к самому себе, потому что прекращает неудобное человеку существование. Представители французского Просвещения видят отсутствие виновности и греховности в акте самоубийства и понимают его в качестве следствия реализации человеком своего естественного права, а также настаивают на необходимости отказа от регламентации свободного выбора человека со стороны религиозного мировоззрения. В противоположность критике запрета философами Просвещения реконструируются линии

аргументации И. Канта, которые указывают на обязанности перед самим собой, невозможность нахождения достаточного основания для самоубийства и на высокое достоинство жизни. Также И. Кант использует аргумент, вытекающий из категорического императива.

Делается вывод, что достижения Нового времени и Просвещения можно расценивать как важный шаг на пути к пониманию самоубийства как явления важного и опасного, и его нельзя просто запретить, его следует анализировать и обсуждать.

В параграфе 1.4 Главы 1 «Рождение суицидологии как науки» анализируется медиализация суицида в XIX в., под которой понимается превращение поведенческих, моральных и других проблем в сугубо медицинские. Формирование медиализованного взгляда на самоубийство связывается с социологической и психиатрической линиями анализа. Социологическая выстраивается вокруг количественных методов анализа и представлений о самоубийстве как об общественной проблеме, на которую могут влиять как социальные, так и внесоциальные факторы. Основным методом исследования с точки зрения процессов, происходящих в обществе, становится моральная статистика. С ее помощью проводится анализ самоубийства как общественного явления, подчиняющегося определенным законам и коррелирующего с различными социальными факторами (уровень дохода, занятости, образования и т.д.).

Психиатрический взгляд на самоубийство пытается объяснить, почему человек убивает себя, с помощью естественнонаучных методов и формирует два способа терапевтического воздействия: медикаментозное и моральное лечение. Постулируя самоубийство как следствие патологии, психиатрическое объяснение стремится вывести самоубийство за пределы аргументации о вине и ответственности. Однако, отходя на второй план, этическая рефлексия формулирует новые вопросы, преемственные вопросам о самоубийстве более ранних периодов: о допустимости криминализации

суицида со стороны государства; о возможности вмешательства других людей в осуществление суицида; о существовании условий, при которых суицид может быть оправдан.

В Выводах из Главы 1 фиксируются основные положения, рассмотренные в параграфах Главы. Трансформации представлений о самоубийстве в истории переходят от осуждения, запрета и формулирования исключений из него к осознанию необходимости его изучения и понимания. Одним из способов объяснения становится формирование научной суицидологии, развивающейся на фундаменте психиатрических и социологических взглядов на природу самоубийства.

В Главе 2 «Аргументы моральной допустимости и запрета суицида» рассматриваются подходы к обоснованию запрета на самоубийство, которые подразделяются на религиозные и нерелигиозные, а также доводы сторонников точки зрения, что самоубийство допустимо и не противоречит морали. В данной главе рассматриваются две большие группы аргументов (их классификацию и формулировки предложил М. Чолби).

В параграфе 1 Главы 2 «Моральный запрет самоубийства» проводится поиск обстоятельств и аргументов, обосновывающих моральный запрет на совершение самоубийства.

В параграфе 1.1 Главы 2 «Христианские аргументы запрета суицида» рассматриваются следующие аргументы: «естественного закона», «собственности», «дара» и аргументы русской философии против самоубийства.

В «Аргументе естественного закона» утверждается, что самоубийство противоречит самой человеческой природе, которая предполагает стремление к сохранению своего существования, а потому самоубийство находится под запретом. С критических позиций показывается, что, с одной стороны, сохранение жизни не всегда является моральным основанием для

поведения человека. С другой стороны, лишение себя жизни с точки зрения «аргумента естественного закона» всегда будет выступать как иррациональное действие, но суицид может выступать и как рациональное действие, в случае избавления от страданий. Еще одним слабым положением выступает непроясненность понятия «естественный закон», потому что для самоубийц избавление от страданий жизни может выглядеть вполне естественным желанием.

«Аргумент собственности» выстраивается на принадлежности человека целому в качестве части, а потому он не может лишиться себя жизни без санкции целого. Указывается, что этот аргумент распадается на две части: принадлежность обществу и принадлежность Богу. В противоположность ему показывается, что человек, даже если возможно понимать его в категориях собственности, не может рассматриваться как собственность в традиционном понимании. Также могут быть выделены характеристики, отличающие человека от иных объектов владения, такие как: способность мыслить, переживать опыт, обладать свободой воли.

«Аргумент дара» предполагает, что жизнь является божественным даром, а потому находится в божественной власти. Самоубийство же выступает отказом от дара и поруганием благодарности за него, а, следовательно, подлежит наказанию и запрету. Критически указывается, что этот аргумент вызывает трудности в контексте существования и несуществования дарополучателя: человек одновременно выступает и даром, и тем, кто его получает; если кто-то не существует, он не может получить что-то в дар, но само существование начинается с получения дара; и дар может быть принят только добровольно, а не навязан. Другим критическим положением выступает представление о вреде, которое наносится человеку через его появление в мире. Также утверждается, что указание на получение жизни в качестве дара не предполагает необходимости хранить этот дар столько, сколько длится сама жизнь. Делается вывод, что дар может быть

преподнесен и получен только свободно, и дарополучатель может использовать его по своему усмотрению, в том числе, и отказаться от него.

Аргументы русской философии против самоубийства выстраиваются вокруг трех философов: Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева. Достоевский связывает самоубийство с потерей веры в бессмертие души, что ведет к превращению существования в пассивность, из которой самоубийца безуспешно стремится вырваться. Без веры в бессмертие становится невозможным надежное обоснование жизни: все её содержание превращается в ничто из-за столкновения с мыслью о смерти. В.С. Соловьев развивает аргумент Ф.М. Достоевского, указывая, что своеволие и разочарование в мире, который не отвечает интересам человека, поскольку его желания не исполняются, приводят к ощущению бессмысленности жизни, а вслед за этим и к желанию ее окончить. Н.А. Бердяев связывает самоубийство с потерей веры в бессмертие души, а также с отрицанием трех высших христианских добродетелей: веры, надежды, любви. Делается вывод, что доводы русской философии могут рассматриваться как эволюция религиозного запрета самоубийства.

В параграфе 1.2 Главы 2 «Нерелигиозное обоснование запрета суицида» рассматриваются следующие аргументы: «священности жизни», «аргумент общего блага», «аргумент взаимности», «аргумент ролевой ответственности».

«Аргумент священности жизни» подразумевает, что жизнь человека как таковая обладает ценностью и значимостью, а самоубийство отрицает эту ценность, и должно быть запрещено. Поэтому, несмотря на название, этот аргумент может рассматриваться как светский. С одной стороны, данный аргумент указывает на неправомерность уничтожения любой жизни, с другой — рассматривает самоубийство как разновидность убийства. Однако следует отметить, что ценность жизни может быть рассмотрена в связке с качеством

жизни, и ухудшение качества жизни может истолковываться человеком как достаточное основание для самоубийства.

«Аргумент общего блага» состоит в том, что человек, совершающий самоубийство, перестает приносить пользу обществу, частью которого он являлся, тем самым снижая способность общества к выживанию. Недостатками этого аргумента являются: абстрактная и призрачная категория общего блага, не указывающая на ясные критерии пользы, которую человек должен приносить обществу, а также намек на возможность осуществления насилия над человеком, желающим отказаться от существования в качестве части общества и приносить ему пользу. Показывается, что этот аргумент может иметь смысл только в том случае, если существует четкое представление, какую именно пользу человек способен принести. Наконец, общее благо может быть рассмотрено как благо близкого окружения. В таком случае избавление его от бремени заботы о тяжело больном, может рассматриваться самоубийцей как действие, способствующее улучшению благосостояния своего близкого окружения.

«Аргумент взаимности» налагает запрет на совершение самоубийства вследствие того, что это действие наносит вред обществу, которое делает возможным саму жизнь человека, а самоубийца неблагодарно лишает его продуктов своего труда. Так как общество сделало возможным жизнь человека, то ему необходимо отплатить ему определенными результатами своей работы; общество также подарило ему много благ, и он, согласно соображению взаимности, должен вернуть эти блага. В качестве критики указывается на неясность того, сколько и в каком количестве человек должен возратить обществу. Также невозможно обоснованно утверждать, что каждое общество заботится персонально о каждом из своих членов. Делается вывод, что «взаимость» в данном случае не доказуема.

«Аргумент ролевой ответственности» предполагает, что суицид препятствует выполнению тех обязанностей, которые человек имеет по

отношению к различным членам общества. Этот аргумент акцентирует внимание на взаимоотношениях человека со своим близким окружением. Но критики аргумента указывают, что интересы и обязанности по отношению к другим важны, но они не должны превалировать над интересами сформированной личности. Часто тот, кто добровольно уходит из жизни, считает свой поступок продуманным и ответственным.

В параграфе 2 главы 2 «Моральная допустимость суицида» проводится поиск обстоятельств и аргументов, обосновывающих, что человек, как автономная личность, вправе реализовывать даже настолько опасные и губительные проявления своей свободы, как суицид. В данном параграфе рассмотрены: «аргумент защиты», «аргумент о знании своих интересов», «аргумент владения собой», «аргумент автономии личности», «аргумент о качестве жизни».

«Аргумент защиты» предполагает, что самоубийство может быть рассмотрено как средство защиты от состояния, которое может представляться суициденту худшим, чем смерть, и именно поэтому его решение морально допустимо. Показывается, что защита в данном случае понимается не только как защита от состояний, которых человек хочет избежать, но и от самого себя. В качестве критики аргумента указывается, что защита предполагает сохранение жизни того, кто защищается, но в данном случае этого не происходит; и самоубийство выступает скорее уничтожением не того, что делает жизнь человека невыносимой или неправильной, а именно того, кто испытывает на себе воздействие этой невыносимой жизни.

«Аргумент о знании своих интересов» указывает, что человек, совершающий какой-либо поступок, самостоятельно знает, что является наилучшим для него, а потому и самоубийство, если оно отвечает его интересам, допустимо. Но при этом справедливо утверждать, что не всякое действие, отвечающее интересам человека, может быть морально

оправданным. Также психическая нестабильность, зачастую присущая суицидентам, сказывается на их представлениях о своих интересах; наконец, этот аргумент опасен, поскольку угрожает превратить жизнь в полный произвол.

«Аргумент владения собой» предполагает, что тело человека принадлежит ему самому, и, так же, как и со всем, что находится в собственности человека, он в праве поступать со своим телом любым удобным ему способом. В качестве критики показывается, что уничтожение собственности не всегда считается допустимым действием; если тело и рассматривается как собственность, то это собственность особого рода, по отношению к которой человек имеет обязанности. Делается вывод, что «аргумент владения собой» может быть применим только в обоснованных пределах, касающихся манипуляций, не подвергающих жизнь человека и благополучие окружающих его людей опасности.

«Аргумент автономии» полагает, что человек может руководить своими действиями в соответствии с собственным выбором и представлениями, а потому совершение самоубийства — результат осознанного выбора. Т. Сас указывает на два аспекта в понимании автономии: право быть оставленным в покое и право принимать свободные решения относительно своего здоровья. Недостатками данного аргумента выступает отсутствие уверенности в свободе и обоснованности выбора самоубийцы. Показывается, что в случае суицида всегда будет присутствовать сомнение в полной автономности суицидента: его автономия может быть ограничена серьезными влияниями внешних факторов.

«Аргумент о качестве жизни» связывает представления о текущем или будущем качестве жизни с выводом, стоит или нет такая жизнь продолжения. Д. Бенатар делает акцент на том, как человек воспринимает качество собственной жизни, считает ли он его приемлемым. В противоположность показывается, что отсутствие объективных критериев оценки качества жизни

ведет к отсутствию достаточного основания для выведения общего правила для прекращения самой жизни. Также акцентируется внимание на изменении во времени субъективных представлений о качестве жизни, что свидетельствует о невозможности выведения однозначных и стабильных критериев оценки принятых решений.

В **Выводах из Главы 2** утверждается, что защитники каждого аргумента не просто излагают свою точку зрения за или против оправдания самоубийства, но и предлагают свое видение, можно сказать, свою модель суицида. Для кого-то добровольный уход из жизни — преступление перед Богом и обществом, для кого-то — высшее проявление свободы. Складывается впечатление, что спорящие стороны говорят о разных явлениях, и это обстоятельство делает невозможным завершение споров на данную тему.

В **Главе 3 «Суицид в современном биоэтическом дискурсе»** рассматриваются проблемы, связанные с изменением традиционных представлений и способов осуществления суицида, а также проводится анализ смежных практик — эвтаназии и ассистированного врачом самоубийства.

В **параграфе 1 Главы 3 «Медикализация суицида: ассистированное врачом самоубийство и эвтаназия в оценках морального сознания»** анализируются ассистированное врачом самоубийство и эвтаназия как смежные суициду практики, развивающиеся в контексте биоэтики.

В **параграфе 1.1 Главы 3 «Эвтаназия: решение о смерти»** рассматриваются способы определения эвтаназии, в которых ключевым признается признак, фиксирующий эвтаназию не как прекращение жизни по медицинским основаниям, а как решение о таком прекращении. Указываются разновидности эвтаназии: на основании роли посредника (активная и пассивная) и на основании просьбы пациента (добровольная,

недобровольная, принудительная). Определяются особенности эвтаназии, которые также фиксируют сходство эвтаназии и суицида: во-первых, в качестве одного из оснований для совершения эвтаназии выделяется физическая неспособность самостоятельно закончить жизнь, а во-вторых, эвтаназия рассматривается как расширение пространства суицида.

В параграфе 1.2 Главы 3 «Ассистированное врачом самоубийство: обретение социального контекста» формулируются отличия этой практики от эвтаназии (в случае ассистированного врачом самоубийства роль врача сводится к консультации и обеспечению необходимыми препаратами) и самоубийства (ассистированное врачом самоубийство рассматривается как социальный акт). Связь самоубийства и ассистированного врачом самоубийства фиксируется в схеме, согласно которой представления о допустимости или запрете первого основываются на представлениях о допустимости или запрете второго.

Параграф 1.3 Главы 3 «Дилеммы легализации эвтаназии и ассистированного врачом самоубийства» концентрируется вокруг вопроса о возможности вмешательства и помощи в осуществлении вольной смерти, сформулированного в виде аргументов сторонников и противников легализации указанных практик.

«Аргумент улучшения паллиативной помощи» состоит в том, что неизлечимая болезнь и то страдание, которое она причиняет, не могут быть рассмотрены в качестве одного из необходимых условий для ухода из жизни, потому что развитие паллиативной помощи и распространение сетей хосписов, как мест, в которых она оказывается, призвано облегчить последние дни пациента и обеспечить ему достойный уход из жизни.

«Аргумент отсутствия достаточного основания» указывает на недостаточную уверенность в добровольности и сознательности просьбы

тяжело больного пациента о проведении процедуры эвтаназии или ассистированного самоубийства.

«Доктрина двойного эффекта» указывает на возможность применения средств, которые могут быть направлены на сокращение страданий, но налагает запрет на сознательное и намеренное прекращение жизни. То есть медицинские средства, которыми собираются провести эвтаназию, могут (в меньших дозах) способствовать облегчению страдания.

«Аргумент скользкого склона» предполагает, что легализация практик ассистированного врачом самоубийства и эвтаназии будет способствовать более широким послаблениям в обществе, и может привести к непредсказуемым последствиям. Выделяется два типа «склонов»: концептуальный (открывающий путь для недобровольной активной эвтаназии) и жертвенный (связан с оказанием давления на уязвимые группы людей).

В параграфе 2 Главы 3 «Значение медиализации суицида для морали: автономия личности и превенция суицида» рассматриваются право на невмешательство, критика превенции суицида и формат прижизненных завещаний.

В параграфе 2.1 Главы 3 «Право на невмешательство и автономия личности» анализируется право на самостоятельное детерминирование границ своего существования, основанное на свободе человека, которая может принимать формы радикального самоопределения. Медиализация приводит к изменению способа воздействия на суицидента со стороны государства: прямое воздействие через уголовное преследование заменяется косвенным регулированием. Т. Сас выделяет особую категорию — «право быть оставленным в покое», направленную против применения принудительной превенции суицида. Указанная категория также служит расширением пространства автономии. Однако остаются сомнения в полной

автономности суицидента. В ситуации, когда свобода переходит в своеволие, границы допустимого стираются, а свобода становится подчиненной сиюминутным желаниям.

В параграфе 2.2 Главы 3 «Критика превенции суицида» эта практика анализируется с позиций последствий медикализации самоубийства. В рамках критики указываются четыре направления (критических положения): превенция суицида является не лечением, а лишением прав; самоубийство должно быть делом частных медицинских услуг, а не здравоохранения в целом; превенция самоубийства является предупреждением лишь возможного, но необязательного поведения; эффективность превенции самоубийств не является доказанной. Также указывается на фундаментальное противоречие, делающее превенцию суицида неэффективной. С одной стороны, существует стремление науки уменьшить смертность и повысить выживаемость, но в то же время культурой выстраивается культ человеческой личности, которая наделяется все большими правами и свободами. Именно в процессе осмысления самоубийства эти положения приходят в противоречивое столкновение: человек ответственен лишь перед собой и, значит, имеет право на определение временных границ своего существования, но в то же время борьба со смертью и смертностью рассматриваются как долг человека перед обществом.

В параграфе 2.3 Главы 3 «Прижизненные завещания» рассматриваются так называемые «соглашения Улисса», вступая в которые, потенциальный суицидент, опасаясь собственного деструктивного поведения в будущем, указывает на границы возможного вмешательства со стороны врача в случае опасности собственному здоровью. Выделяются сильные стороны соглашения: временная потеря свободы, повышение способности человека к долгосрочному планированию жизни, увеличение сферы автономии и ответственности за возможные будущие действия. В качестве

слабых сторон выделяются: высокая вероятность принуждения к вступлению в соглашение, превалирование прошлых установлений над настоящими, перекладывание ответственности. Делается вывод, что практика прижизненных завещаний, несмотря на свои слабые стороны, может быть использована для предотвращения суицидов, вызванных медицинскими причинами, но она должна приниматься свободно.

В **Выводах из Главы 3** утверждается, что практики медиализации жизни ведут к институциализации суицида, т.е. к тенденции делегирования самого действия по прекращению жизни от самого суицидента к другому, компетентному в медицине лицу. С медицинской точки зрения, самоубийство как акт индивидуальной воли всегда находится под подозрением в его нормальности с точки зрения психического здоровья исполнителя. Но, будучи интегрированным в медицинские практики (эвтаназии и ассистированного самоубийства) и сопровождаемым медицинским наблюдением, суицидент больше не находится под таким подозрением. Однако с этической точки зрения институциализация суицида не делает его ни более понятным, ни более оправданным. Для этики главным остается вопрос – кто именно и почему принимает решение прекратить жизнь? И появление посреднического института в виде медицинского сопровождения, делегирование права прекращать жизнь другому, внешнему по отношению к этой жизни агенту, порождает ещё больше моральных сомнений в оправданности запланированной смерти.

В **Заключении** указывается, что как бы биоэтические и медицинские практики не старались сделать добровольный уход из жизни планируемым и уважаемым, суицид все равно остается проблемой проявления личной воли. Там, где есть индивидуальное решение, очень трудно точно сказать, какие обстоятельства его определили и какие мотивы там действовали. Осудить суицид или узаконить его посредством включения в социально-медицинский контекст — не означает понять его. Разложить его по мотивам

и обстоятельствам можно, но невозможно понять, какое из них стало решающим. В любом случае, суицид остается тайной моральной жизни, поэтому для этики здесь открывается очень широкое поле исследований.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Рецензируемые издания, индексируемые в международных базах Web of Science и RSCI:

4. Антипов А. В. Самоубийство как способ достижения морального совершенства в античной этике // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 4. С. 77–87. (RSCI). Пятилетний импакт-фактор РИНЦ: 0,158.

5. Антипов А. В. Позитивное знание о самоубийстве в XIX веке: философский аспект // Суицидология. 2016. Т. 7, № 4. С. 64–72. (Web of Science). Пятилетний импакт-фактор РИНЦ: 1,574.

II. Издания, включенные в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Антипов А. В. Медикализация суицида как проблема антипсихиатрии // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 41–50. DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-3-41-50. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ: 0,153.

2. Антипов А. В. Автономия воли и свобода выбора в антипсихиатрическом проекте Т. Саса // Философия и общество. 2018. № 4(89). С. 121–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.30884/jfio/2018.04.07>. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ: 0,384.

3. Антипов А. В. Зарождение психиатрического взгляда на самоубийство и вопросы морали // Философия и общество. 2017. № 3 (84). С. 119–129. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ: 0,384.

III. Прочие публикации по теме исследования:

6. Антипов А. В. Соглашение Улисса как способ уважения автономии суицидентов // Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации. Отв. ред. В.Г. Буданов, В.А. Лекторский. ЗАО "Университетская книга" Курск, 2019. С. 302–304.

7. Антипов А. В. Свобода и самоубийство // Проблемы этики: философско-этический альманах. 2015. Выпуск V. Часть II. С. 5–15.